

Елена Сибирко

СПАО

16+

Музыкальная поэма

Елена Сибирко

Спао

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65172993

SelfPub; 2021

Аннотация

Поэма для тех, кто хочет увидеть божественную красоту в повседневности и готов заплатить за это. Через диалоги главной героини с её нимфами открываются уровни восприятия реальности, пронизанные музыкальностью рваных строк и разреженных ритмов города, компьютерных кодов, обрывков новостей. Её не нужно читать, нужно слышать. В центре – описание общения героини с нимфами, Богинями Огня, Реки и Земли в нескольких измерениях. В нашем мире они глухонемые девушки, которые говорят через рекламные баннеры, надписи на стеклах и фразы случайных прохожих. На уровне выше – они играют в компьютерную игру "Охота за верблюдами", где выращивают мечты, служат Золотоволосой Госпоже-Весне в летаргическом сне и защищают героиню от Князя. Переход между уровнями сопровождается болью и обретает физическое воплощение в стихах.

Елена Сибирко

Спао

Стихорождение

Ане и Рите

Будничная электричка на 15:40. Тепло и многолюдно. Многолюдно ли? Тепло ли?

Пока доехали до Л., ты без особого энтузиазма 2,5 часа рисовала банальные реальности. Только проведя 10 лет за этим ничтожным занятием, начинаешь по-настоящему ценить школьную стереометрию. Там ведь всё сложнее – верх мастерства приложить к точке угольник и отследить отражение нематериального объекта в нематериальной плоскости. Проекция реальности по сравнению с этим – детский сад. Берёшь событие из своей жизни, и отпечатываешь в своей памяти всегда по одному и тому же закону, всегда одинаково бесполезно, ради одного ощущения, что остаётся после твоих шагов по жизни какой-то след, куда-то ведущий, что-то значащий. Может быть, только то, что ты действительно живёшь, а не существуешь в чьей-то компьютерной игре, для забавы какой-нибудь Б.

Со временем ты научилась предсказывать будущее, но и это времяпрепровождение надоело, опустошило – это могут все. В мире, где много дверей, много миров, и каждое второе слово-заклинание, или знак, так не интересны прогнозы.

Л.-вагон наполняется с потрясающей скоростью. Кто к тебе на этот раз? Вероятностные линии говорили, что будет встреча. Если ты не ошиблась в подсчётах, которые в реальности зачастую сводятся к простым предчувствиям и не вызывают такого радостного опьянения, как в математике, она должна произойти сейчас, сию минуту. Но парень проходит мимо, женщина тоже, и даже бабулька с удивительным рвением обходит 5 пустующих рядом с тобой мест, стремясь забиться куда угодно, только не рядом, только не возле. Из-за спины подлетела девушка, что-то спросила, вероятно, свободны ли места, ты не услышала, но кивнула утвердительно. Ах, да – заклинание непричастности. Вернее, заклинание – просто красивое слово, на деле обыкновенное желание, чтобы тебя не замечали окружающие – забилась в уголок возле окошка и сидишь себе ни для кого не заметная, не нужная, почти не видимая. Но эти, похоже, заметили. Их трое. Непохожие. Странные. С живыми глазами. Глухие...

Стало ещё жарче. Уже казалось, что тепло льется из их чёрной, оранжевой и синей шерстяных кофт. Ты сняла пальто, шарф, перчатки, которыми заслонялась от мира, – не помогает. Хорошо, что они не говорят. *Не говорят ли?* – говорят вербально, без звуков. Наконец, тебе совсем надоело это тепло. Начала злиться-совсем не хорошо – терять драгоценную злобу по таким пустякам. Сделала усилие над собой – вызвала боль внутри себя в самом низу живота. Эта боль внезапно, словно маленький камешек, ударила по зале-

деневшей оболочке деревьев, проносящихся за окном, разбила, освободила нежную зелень от иллюзий мороза и снега. Боль взметнулась к небу, отодрала от него бактериальный пластырь, обнажив звёзды – колотые раны неба. Боль – не более чем химическая смесь, превращающая негативы твоей жизни в цветные фотоснимки. Могла ли боль сломать стену между тобой, слепой, и ними, глухими? Могла ли не сломать?

Их звали Надин, Жанин и Оспа. Старинные имена, может, ники? Ники ли?

Девушки говорили о банальном – о новой компьютерной игре «*Охота за камелиями*» – как пройти хижину с травами и загадками? С травами? С загадками? Как уничтожить дракона, живущего в сердце, во внутренностях. В сердце ли? О том, как никотиновая зависимость помешает герою пересечь поле из дивных цветов, и очернит камелии.

Ты понимала их. Понимала каждое слово, но не улавливала смысла. Неужели двойная шифровка? Через стёкла боли их тепло усиливалось. Оно уже было почти не выносимым. Тщетны были твои попытки зачерпнуть спасительную жменью холода в окне электрички – оно пылало огнём, и его агония уже закрадывалась тебе под ногти.

Начинала болеть голова. Новый виток, ступень боли, которая ставит твоё существование уже на грань разумного, лишает дара речи, сжимает твоё тело до размера ячменного зернышка, а твои мучения – размазывая до размера Вселен-

ной. И так сложно оторваться от себяжаления, чтобы послушать, услышать то, о чём они говорят. А говорили они всё о том же – три глухонемые девушки, превращенные фантазией твоей боли в прекрасных нимф, в богинь земли Нидан, реки Нинаж и огня Спао. Но теперь ты могла их понять. Спао так пристально смотрела на тебя, что ты без возражений понеслась в их мир, в маленькую хижину, утопающую в камелиях. И нашла на полках книги о древних богинях – о них, не способных быть услышанными в мире людей, но открывающих все свои тайны и чужие (чужие ли?) тем, кто умеет чувствовать, и переживать боль. Теперь их яркие кофты превратились в цветы, такие же контрастные, сильно, удушающе ароматные, не просто пытающие, а просто высасывающие из тебя остатки сил, твоего тепла, жизни. Тепла ли? Жизни ли? Твои глаза наполнились слезами, пальцы отяжелели, налитые пятью литрами крови, кожа побелела до синевы, потрескалась в иных местах. Чёрно-звёздное небо закружилось перед глазами после их ухода (ухода ли?). Больше тянуть было нельзя. У любой бесконечности есть предел – это уже не математическое, это реальное правило. Ты схватила желтый листок и в остервенении, почти беспамятстве, начала черкать на нём то, что потом сбудется, как и любое твоё заклинание, то, что на грани боли с реальностью, будет гореть, греть и мучить других, добравшись до вершины мазохизма, то, что сейчас лежит на коленях карандашными строками, а завтра... Завтра ли?

Подняла глаза. Нет их. Вышли в Масловке.

Браколепсия.

Однажды Спао узаконила секс. Пока ты пробиралась к ней через бескрайние снежные дали будничности, девчонка надела армейские ботинки, камуфляж, побрила голову и со слезами на глазах отвела любовь в газовую камеру. Крик был не долгим. Лишь одно мгновение подарила вечность ещё не рожденным детям твоих стихов, твоих свершений, твоих личностей.

Печать зияла синим, заражая этим цветом твои ногти, красное платье, внутренности, обеззараживая вирусы сомнений и поисков настоящего. Сестры видели, как сплетались тела и руки, как переключались каналы мыслей, и на выходе горел синий экран-пустота.

Станным отпечатался в твоей памяти этот день. Ведь унижения не было, не было тяжелых мыслей – всё на уровне ощущений, на призме неправды.

Нинаж оторвала ценник, вручила тебе букет. Бросай! Все расступились. Яркий свет ударил тебе в глаза, с будничной реальности соскользнула праздничная плёнка-бросать-то некому, все растворились...

79 маршрут-столь нетипичное для тебя средство передвижения. Едешь на левый берег – зачем? Не важно, уже не важно-главное, что именно здесь должны пересечься линии-твоя и Нидан. Как много народу. Народу ли? Она при-

ближается...стекла заморожены-в них не видно ничего, даже твоего отражения, только размытые синие пятна ночи и бледных фонарей. Не видно ли? Или эти узоры мороза?.. Вот же она-нынче она не глухая девушка, нынче она старуха, сокрушающаяся, что молодежь до того безнравственная пошла, что эдак и детей перестанут рожать Ты хотела подойти, но за окном мелькнул рекламный щит: «*Куда ты идёшь?*» – она не хочет (не хочет ли?) – не должна с тобой говорить. Странно? Именно этот щит ты заметила, именно этот вопрос хотело тебе задать автобусное стекло из миллионов других.

–Дети – свет. Дети – смысл жизни женщины. Без них никак нельзя...

По-видимому, стеклянный вопрос так поразил твоё воображение, что слушать, слышать речь старухи не хотелось, да и не нужно было.

Дети? Ах да, дети-маленькие существа, заставляющие переключиться со своих проблем на чужие – вначале мать играет с ними, как с куклами, потом пытается прожить их жизнь, возможно, исправить свои ошибки, возможно, придумать себе другую жизнь. Дети всегда не благодарны. Это знают все. Благодарность не свойственна человеческой природе – это всегда что-то искусственное, фальшивое. А маленькие дети с высоты своего эгоизма не желают лгать. Дети-это что-то априорное. Попробуй от них увернуться, это часть судьбы, линии, синего света фонарей.

Ты заметила ещё что-то странное, ярко светящееся на

стекле – маленькое сердечко, нарисованное пальчиком ребенка, сидевшего на коленях отца:

– *Не осуждай, наС, ПА, Ох,* – проговорила она, внимательно посмотрев в мои глаза. И тут же переключилась на отца, который делал ей замечание, что так не говорят «нас».

Боль, опять эта боль в виске, в руках – словно жилы рвут, а потом вытягивают из твоих локтей. Сама виновата, не признать богиню в маленькой девочке! Нинаж, наверняка, тоже где-то поблизости-сестры редко путешествуют порознь.

Ты-то думала, что обретишь в замужестве покой, что больше никогда не услышишь песен нимф реки, леса и огня, но они вновь зовут за собой. Неужели моральной и нравственной смертей после узаконенного секса им мало, чтобы бросить тебя погибать в синей неправде будничности? Ужели много? Они венчали тебя среди поля из камелий, нарвали букет из полевых звёзд, сплели венок и одели в него ясную голову, они плясали, кружились, говорили, что ты ещё ни один и не два раза запишешь речи неба. Конечно, это было неправдой, конечно, не бывает свободы взаперти. Но и это не важно уже. Главное, что вырвалась живая из автобуса и налитыми пятью литрами крови пальцами зарисовала на жёлтых листках, сидя на остановке, их фразы, не замечая мороза и взглядов счастливых.

Пищеварение

**

Оторопела от таких холодных слов,

И даже ей поверила не сразу.

Оха хвостом махнула и в Ростов

Уехала, вертящая зараза.

Заскочила в пиццерию, голодная, как смерть на войне. Заказала «Королевскую» и со скоростью начала запихивать в рот ароматные куски... Вот сейчас, ещё секунду и всё пройдёт, закончится, как снег на границе мая... Мая?

Слёзы вновь подступили к горлу – ими уже грезят, маются глаза. Маются?

Хотелось тысячу раз закричать, что не бывает в мире всё так не справедливо, что это против правил, законов сохранения энергии.

10 минут назад ты ещё яростно швыряла белые снежные покрывала, простыни, пододеяльники зимы, в которых затерялось твоё обручальное кольцо.

Но брак прошёл так же быстро, как Универ, и школа, и детский сад, и Она...

Ты к ней тянулась из последних сил,

Вся превратившись в мысль о белоснежности,

А нынче ветер в поле разносил,

Швырял мечты и сеял безнадежье...

Что вокруг? Странно, но зима не смеет войти в пиццерию.

Ах, да, у неё просто нет денег на это – разменяла всё наследство на иллюзии серебра и бриллиантов и забавляется ими, как малое дитя, живя в собственном ограниченном мире.

Музыка, официантки, чай, снег за окном... Снег?

Нидан говорила именно об этом: *«Снег всё застелит, украсит белилами. Там, за окном, ждёт новая жизнь. И нечего устраивать истерики по поводу чужих белых трусиков на диване.»* Какая, в сущности, разница, что происходит в этом, покоренном иллюзией снега городе, если всё это ничтожные крупинки, атомы космического организма Вселенной.

А Нидан верила, что там, в Ростове, всё по-другому, что там не будет измены, и Спао забудет своё горе. Горе ли? Может, это в её природе – мучиться, сгорать, умирать на всех уровнях. Может, именно от этого она возрождается, и силой своей вдыхает новую жизнь в поле камелий. Вот Нинаж не в страдании черпает радость-у неё есть способности к созерцанию. Нидан всё время следит за сёстрами-это её призвание-она старшая. А Спао? А ты? А я? Мы с тобой совершенно разные. Ты сидишь в дорогой пиццерии с тонкой сигаретой в длинных аристократических пальцах и думаешь по-немецки, чтобы официантки не прочитали твои мысли и не узнали, что у тебя нет денег. Я не курю, лишь стучу по клавиатуре, выслеживая каждую твою мысль, жадно ловя каждую острую истину, которую ты не боишься сказать, жадно уплетая лапшу быстрого приготовления, которую ты называешь куксой. У меня белые волосы, и я не знаю немецкий

язык. Кто же тогда ты? Вернее, кто я? Компьютерный глюк?
Или одна из нимф-Нелия-покровительница Неба.

**

*Зачем доказывать, что ты её любила,
Ценой всего её внимание доставать,
Осознавать, что ты её подстилка
И бесконечно о любви шептать?*

**

-Ося, нужна твоя помощь. Уладишь? – услышав короткие гудки, ты вышла из пиццерии-официантки никогда не вспомнят, что ты когда-то заходила сюда и не заплатила за пиццу и чай – Спао швырнёт им на грудь лепесток камелии, и этим всё кончится. Кончится ли?

Мы начинаем всегда с этого-с маленькой лжи, которая потом перерастает в глобальную катастрофу: наврёшь красавчику, что тебя зовут Алисой, немного обманешь с возрастом и преувеличишь размеры своего одиночества, после 7-й рюмки водки флирт закончится почти добровольным изнасилованием, и через 3 месяца в твоей крови найдут... Проходили. Ты почему-то упорно изменяешь ему, как только начинаешь думать, что он тебя не любит... Любит ли?

-Нелия, в тот раз...у тебя не было ощущения после измены любимому, когда он целовал тебя, что это плохо, грязно, что постель по сути-это одно сплошное унижение? – Нидан говорила в трубку, ты молчала, следя за тем, как снежинки в воздухе рисуют сердечки и ромбики.

—Я перезвоню...— на тебя смотрела жалобно собака, ещё совсем щенок, такой беззащитный перед снегом, людьми, машинами...наивный, верящий в то, что взрослая тетенька угостит его вкуснятиной и возьмёт в тёплый дом.

Ты знала, что в проекциях реальности этой собаки не будет ничего светлого, дней через 10 (10 ли?) она повзрослеет, обзаведётся кучей женихов, проблем-она не будет верить в сказки о подобранных животных. Но ведь время ещё есть, можно всё изменить.

НЕЛЬЗЯ!

СОЛНЦЕСОЖЖЕНИЕ

В окно бронзовой проволокой вонзались лучи, они прожигали твою кожу, кости, ногти. Единственной возможностью остановить это медленное солнцесожжение -встать, надеть защитную маску хорошего настроения, сделать вид, что твоё сердце и тело не из снега. Ты упражняешься в этом каждый день, и временами даже сама веришь в это.

«Сплин» заглох. Андрей Губин не виноват в том, что это произошло, и всё же роль окоченевший от мороза утренней пташки, похоже, сегодня придётся исполнять ему. И дело даже не в том, что тебе снилась зима, и вставать после таких сладких снов не получается – просто нужно было замазать музыкой ожоги, оставленные проволочными лучами солнца...

Что там на листках?..

*«Холодный кофеин на дно печали бледной,
На миг в любви запретной
Сиреневый лоскут...»*

Вчера ничего не вышло. Всё дело в том, что ты спорила до потери пульса, никак не хотела поверить, что прошлое не зависит от будущего, а только от настоящего. Всё от того, что ты поругалась с нимфами, наговорила им всего обидного. И четырежды вслух послала его на х... Одумаешься. Нажмёшь ENTER. Бронзовые решётки солнца до поры спрячутся, но теперь ты будешь знать, что они есть, и всегда с опасением срывать камелии и не оставишь своих отпечатки на кружке кофе с мышьяком, который будешь бережно подсовывать мне. Девочка, милая, мне не важно это всё. Я не живу здесь. Потеряв его однажды, я и себя потеряла навсегда. Его-то потом нашла-встретила, а себя нет. А знаешь, почему? Потому что верила, как и ты вчера, что прошлое изменится, если я запланирую на будущее разбить кассету «Сплина» и поставить Губина. Ты можешь менять только здесь и сейчас – именно в этом свобода, а не в анархичности. Знаешь ведь сама, что слишком уж большим несчастьем для меня было бы вот так умереть от мышьяка, ты не доставишь мне такой радости, не можешь, а вот он...

Он родился летом 17..года на одной из плантаций Южной Америки. Он бы и сейчас продолжал медленно пить твою жизнь по каплям, но поздно – уж кружка пуста...

Помнится, Спао вчера развязала одну из своих фенечек –

и всё небо заштопала серебряными лоскутами. Нинаж после этого долго придумывала ответ – в итоге на розовых атласных простынях озера написала известью своё имя, разбередив душу какому-то бродячему художнику. Ты плакала вчера опять во сне – пожалела художника – ему придётся закончить жизнь в жёлтых стенах, ведь нимфа поцеловала его, он узнает другие миры, но в мире людей с такой восприимчивой психикой не сможет – банальные проекции. Нидан рассыпала белый бисер на пол, и всё фотографировала его, потом форматировала снимки в фотошопе. Кто ей сказал, что из бисера могут получиться неплохие камелии?

И вот ссора. Ты стала счастливой, зависимой, любимой. «3 в 1» – надпись на пакетике Nescafe. Такая себе глупенькая, наивная идиотка, забившая на проекции реальности, которые замучили своими вечными «тебя никто никогда не полюбит». Они ушли, оставив дверь открытой. А утром безжалостное солнце обожгло, поиздевалось, и растворилось к вечеру, как сахар в кофе.

Обескартонненное

Наташе Бобровой

Девоньки срывали с матово-зеленого неба огромные куски картона. Ты смотрела на этот вандализм и тихо ругалась матом, заставляла рыки свои оставаться не подвижными, сердце стучать медленнее, ещё медленнее... до останова. Было ли это зеленое небо настоящим, или опять фантази-

ей компьютерной игры? Был ли вандализм освобождением, или просто теракт против нейтрально настроенного врага? Нимфы подбежали к тебе, срывали твоё зелёное платье, шептали что-то, смеялись. Ты всё хотела увидеть, что же осталось от обескартонненного неба, а в руках блестели ножницы. . . Неумелый намёк на то, что нужно перекроить небо, или призыв к самоубийству?..

Сознание быстрохвостой кометой рвануло к тому дню, когда изменился мир. 11 сентября. Ты знала, что это произойдет ещё в 97-м году, писала наивные детские письма в Пентагон по-русски. Могли ли они дойти? Могли ли не дойти? 97-й ... ты тогда ещё с трудом читала вероятностные проекции, но уже никогда не ошибалась. Тогда на почте в последний раз в твоей голове всё было нормально – белое на белом, зелёное в приоритете. Письмо с предостережениями нехотя опустилось в ящик – дело сделано, теперь нужно спешить в школу на репетицию праздника «За честь школы». Там ты увидишь его, мальчика из параллельного класса в идеально белых джинсах (это при том, что осенняя распутица забросала все проходы к школе грязью и лужами, словно пыталась не пустить). Купила на деньги для завтраков розовую помаду, покрасила губы. Он заметил, и 20 минут не мог успокоиться от смеха. С тех пор только чёрные губы, только ошибки в мужчинах и суждениях. Бывало – появлялись просветы, кто-то пытался вытащить тебя из вонючего подвала, где курили план ребята, и ты в темноте писала на туалетной бумаге

стихи про природу, но ты не хотела, не поддавалась словам праведников. Церковь всегда по сути отвергала тебя – не хотела возиться с думающей субстанцией твоего тела. Церковь осуждала – в этом её роль. Еврейский Бог смотрел с икон так пристально, так глубоко – этот взгляд не возможно было выдержать. Бог прогонял из своего храма чёрную крысу сомнений твоей души. Тебя приласкали нимфы. Нидан научила смотреть на мир, Нинаж отогрела сердце теплом камелий, Спао разъяснила «зачем». Но все знают, что дружбы не бывает – теперь ты не тянешься к ней. 11 сентября погиб Марк – в твоей судьбе не появится этот человек, ваши дети не станут ядерщиками и значит нейтриновая бомба, способная сжать Вселенную до размеров точки в пространстве, не будет изобретена. Что ж, за всё надо платить. На его месте могла быть я. Могла ли? Может, причина в нём и не нужно было себя винить в том, что натворят твои ещё не родившиеся дети. Вдруг проекции, секунду назад отчётливо блестящие в твоей ладони, затуманились. – Ага, будущее меняется сию секунду – значит, кто-то раздвигает временные двери в настоящем. Это не я. Не ты. Нимфы увидели золотоволосую девушку и поспешили выразить ей своё почтение. Нидан стала на колени, и поцеловала её ступни. Нинаж замороженно следила, как в воздухе остаются следы её ног. Спао поправляла сиреневую накидку. Золотоволосая пристально посмотрела мне в глаза и двинулась дальше, увлекаемая своей свитой.

Камелии пропали. Ты стояла ночью посреди чёрного, вспаханного поля. Куда же делся зелёный картон неба? Взглянула на руки – он осел на ногти. Хотелось оторвать, смыть, но жидкости для снятия лака не было. Прошла десять шагов – полуразбитая бутылка водки, там, кажется, ещё есть что-то на дне. Подбежала, изнемогая от жажды и жадности, начала быстро глотать. Обжигало ... и руки, и губы, и щёки – всё было в крови. Полоснуло ножницами солнце. Теперь ты знаешь, какое оно небо – красное.

Орбитное

Подбежала, подлетела, вся такая нежная, как осенний листочек, замороженный звуками ветра. Ты только потом узнала, через много лет, что эти звуки были единственно настоящими в иллюзии осени. Поэтому не стоило винить за то, что поддалась чувствам – не могла не поддаться, ведь это было прихотью всевластной судьбы.

Зачерпнула горстями, заиграла на струнах морозного воздуха, синей шалью набросила на свою радость, нежность на плечи маленьких. Солнце любит тебя! В белых комнатах не осталось сомнений. Ветер прогнал их грозным своим рыком. А гордость все стояла на вокзале и смотрела, как товарными вагонами грузили, и увозили в Сибирь её детей – её интриги. Гордость не могла, не смела плакать. Но ведь женщина же, ведь мать. Гордость не хотела ломаться, не думала, что когда-нибудь её бдительность усыпят винные запахи радости.

Расслабилась. И теперь вот, всё ещё плохо соображая с похмелья, стоит на вокзале и, по-моему, задумывается, не рвануть ли следом за ними в ссылку.

А на коленях лежали небесно-голубые снимки. Тебе казалось, что туманы, окутывающие вершины гор, сделаны из такой же бумаги.

Маргариновый запах счастья носился в воздухе, и Нежная пела, Нежная играла на гитаре для Маленьких.

Всё разрушается от времени. Сломались и его убеждения. Холод его души превратился в ласковый ветер, обнимающий за плечи и ласкающий голову. Ты устала ему повторять о своей любви, и даже сама засомневалась, правда ли это. Или неправда? Или только ветер, только шокирующая бездна под ногами – удел неба? Неужто небо существует и без солнца? Неужели в маргариновой пене снега можно укрыться от простого человеческого «хочу»? Золотоволосая спала летаргическим сном. Слово статуи склонились над ней 3 служанки – по преданиям их звали Надин, Жанин и Оспа. Пещера лучезарила, в ней истина была в каждой частице пространства. Ложь захватила целый мир, но в эти покои она не смела зайти и бесилась от этого, и проигрывала в сущности. Ведь иногда достаточно нескольких белых комнат, чтобы окружающий мир тысячи раз вместился в них. Богини скорбели. Ты соскучилась по их беспокойным песням. И не обижалась уже совсем, жалела о несказанном.

– Зачем тебе мы? У тебя ведь есть он!

– У меня ничего нет в мире людей. Я пришла в него голая, и всю жизнь такой прохожу, и уйду.

Замолчал голос озера, задёрганного белыми стихами тумана. Передо мной стояла Нинаж прозрачных шёлковых одеждах и прекрасном венке из камелий. Впервые она явилась ко мне в минуты радости. И моментально за душой стало так холодно. Так пусто, так страшно. Слезы неба нынче бессезонны, а плакать хотелось. Зачем? Истину эти слёзы всё равно не отдадут – слишком жадные и ленивые. Нинаж не поверит слезам, хоть они и искренни, но преждевременны. Он забудет тебя завтра в 14.00. не будет вспоминать 2 недели. Ты сожжёшь сотни рукописей, напишешь на обоях во всех комнатах «секс – это зло», и успокоишься, и начнёшь снова мечтать, представлять постельные сцены. Нинаж, зачем нельзя разорвать этот круг?

Она села у воды, опустила в неё свои длинные белесые волосы, потом брови. Видно. Летаргия Золотоволосой печалила её. Жаль, что Богиня реки не может утопиться.

Ногти обкусаны, слёзы развенчаны.

Порок – не глухота, а её отсутствие.

Белые женицины – чёрные женицины,

И в окне косы ветра русые.

Нежность карается стрелами древними,

Может, не надо ему говорить?

Может, нет смерти в лесах за деревнями,

Это не стон, а болотная выть,

*Это сестра подноготная страха
В белых перчатках и в чёрных очках,
Это не «Орбит», а кара Аллаха
За то, что заботишься о белых зубах.*

Иммуносистемы

Выборам на Украине

– Как это? – Нидан, похоже, действительно не понимала, что 9 ложек сахара не сделали её чай сладким. – Ты где? Я тебя не вижу.

–Щёлкни на окне Windows, нынче я вирусю, – ты спокойно дышала.

Вчера впервые дотронулась до клавиш, и не почувствовала боли. Ощущение до одури непривычное: зная, что он тебя любит, сливаться со всеми окружающими. Ты ходила по улицам, вся словно замороженная девочка, вглядывалась в чужие лица, совсем по-другому воспринимала университетские парочки. Это сложнее всего было понять, подумать, что любят простой человеческой любовью не их, а тебя. Мир изменился даже внешне. Может, ты стала видеть лучше, или хуже? Или иначе...

– Прозрение Иосифа наступило внезапно. Оно не было связано ни с солнечными затмениями, ни с рождением Сверхновой в Туманности Андромеды, ни с последним листопадным днём осени. – Это уже говорит Спао, её тембры не перепутаешь ни с чем. – Он закрыл глаза, он – простой

еврейский мальчик лет пятидесяти, злой насмешкой судьбы перенесенный в 4-ю лабораторию ЛВС Университета. А когда открыл, трёх-мерность мира перестала существовать – будто не было её вовсе в этой Вселенной. Иосиф отныне мог нежно погладить песочные барханы заставки рабочего стола, и песок неизменно отзывался на эту ласку – мурчал и жмурился, как рыжий кот. Иосиф обращал взор на сбрасывающий нижние листочки фикус, и чувствовал в каждом капилляре растения холодную кровь женщины, его посадившей давно, а ныне с непривычки боящийся темноты, духоты гроба. *«Не бойся, милая, – скажет он ей, – это всего лишь ещё одна ступень твоего пути.»* – *«И твоего»*, – ответит в тон ему женщина. Почему-то именно этот намёк будет вспоминать Иосиф ярче всего потом...

– *Это написала не ты... хотя почувствовала, могла – не спорю.* – Нинаж завивала волосы.

– *И всё-таки...* – хмурились брови, замирало дыхание – замеряла мгновения до ответа Старшая.

– Весь мир знает, что я его люблю. Это бесспорная истина. Но когда вместе, если вдруг рядом... – я не хочу, я ищу другого, не существующего и позавчера признавшегося в своей смерти мне во сне. Я хочу изменять и склонна к суицид у. Да я сама триста раз умираю от звуков его голоса – не хочу писать, не могу допить кофе с сахаром.

– Это не повод, чтобы сжигать на свечке по одной странице О’Генри, – Нинаж закончила причёску, – строга, очень

строга богиня земли нынче.

– У меня завис сервер! Сижу и с наслаждением наблюдаю, как неизвестный вирус по фрагменту уничтожает ячейки жёсткого диска, – голо Спао был всё ещё слышен, но уже слабо. Он размывался, словно узор на стекле, по которому обильно прошлись «Пемолюксом», он переплетался, и терялся в толстых нитях тумана, он замирал над бездной опаленного заревом неба. Ты бросаешь Нидан, со скоростью ветра щёлкаешь на окошко Спао.

– Это не я, – успеваешь крикнуть в последнюю секунду.

– Это не он, – тихим эхом со дна монитора.

И всё тотчас же пропало. Бездонный монитор оказался плоской оболочкой – ещё тоньше, чем твоя кожа, или ниточка на его груди, на которой висит материнский крестик. Спао задохнулась от смеха и радостного предвкушения, но теперь всё будет заново, с нового листа по капельке, правда опять the end будет таким же, но ведь путь, ниточка изменит свои (свои ли?) очертания. Ты вдруг подумала, что трояны были не в бездонности. Хотя теперь какая разница. Огонь сейчас не лучший период переживает на своём веку. Может так лучше – вырвать 100 страниц и попробовать переписать начисто каллиграфическим почерком воли.

Нинаж обняла за плечи.

– Да он, он. Хотя не важно всё. Зачем делать то, чего не хочешь? Зачем не делать этого? Почему филины в дремучих, заколдованных морозом лесах не отвергают существование

каamelий. А ты, видевшая их, трогавшая и гадавшая на них, словно на ромашках, пытаешься спорить, отвергнуть.

– Жизнь не априорна, – вставила Нидан, но видно очень уж была строгой сегодня Средня.

Ты посмотрела, и поняла, что сейчас Нинаж говорила не от имени Воды, так крепко привязавшей тебя к себе. Сегодня она – Жанин. Но как можно говорить с глухонемой девушкой? Нельзя. Ты молчишь. Золотоволосая меряет наряды на праздник урожая в мазепской Украине. Она, конечно, знает, что мысли твои не чисты, и ноги твои по колению увязли во лжи. Но ты нема, и спорить не можешь. Ты ненавидишь Золотоволосую, от ненависти снова испытываешь боль – так будет всегда, пока ты живая, но прозрение Иосифа не прельщает – это дело рук воспитания. И тысячу раз хочется сказать, что воспитание – грех, лишаящий априорной свободы, но без него ты не узнала бы даже о её существовании. Золотоволосая не станет говорить тебе, а подчинение, почитание её воли тебе противны. Ты не станешь разбивать свои хрустальные фужеры, выпивая шампанское своей души за её здоровье. Эта новая муза отвергается твоими иммуносистемами. Я бы предсказала тебе любовь к ней неземную.

Но поздно Украина выбрала свою судьбу.

Твоя Госпожа

Над хижинкой нависла угроза.

Юго-восточный ветер – повелитель песков Сахары и со-

лончаков Средней Азии с невероятным азартом отбивал чётку на её крыше. Итальянские резные фигуры, украшавшие наличники и ставни избушки, в которой жили три Богини, покривились, вдруг вспыхнули сиреневым и растворились в воздухе, словно мираж. Так всегда происходит с ненадежными, новыми, в которых не уверены. А в окна бились и стучали крылья невесть откуда взявшиеся страусы, иволги и утки. Невыносим был их крик, но что было сделать с эгоистичными спутниками земли, воды и реки?

Знаешь, в четвёртом классе может и проходят, как бороться с демонами ветров, но ведь мы с тобой благополучно проскочили курс природоведения, как и большинство наших, не пожелавших предотвратить катастрофу в Южной Азии. Хотя нет, в принципе, за что винить? Азиаты вторглись в их пространство, продали им гематитовые бусы в кредит под залог кровли. Пора платить по счетам. Ветер пришёл за своим.

Тебе так здорово там жилось. Ты хвасталась бусами, получая невероятное удовольствие от холодных гематитовых прикосновений. И было не важно, что небу не пристало носить чужие вещи, что это не законно. Но утешалась придуманной, нелепой идеей, что бусы тебя любят. Они же неживые, обездушенные...

Сбились в кучу Нидан, Нинаж и Спао. Золотоволосая забралась на крышу и громко ругалась с азиатским ветром. Что она могла предложить в качестве выкупа? Дешёвые папирос-

ки звёзд? Нелия заложила и их давно. Зарытые в землю сокровища ников? Ветер знал, что через триста лет они не будут стоять ни копейки, ведь люди откроют кристаллы счастья. У Спао была только коробка спичек. Да и древесных червей азиатам поставляет Франция.

Как-то всё это не правильно. Как-то по привычке. По наезженному сценарию новогоднего огонька, или сериала про продажную любовь. Это по древнему. Это по согласию сторон на компромисс. Золотоволосая расстегнула блузку.

Дрогнули камелии. Птицы ещё яростнее заклекотали – от них разболелась голова.

Золотоволосая знала, что удовольствие от знакомых прикосновений ветра (вот уж действительно хитрый торговец чудесами) унесут её в невесомость надолго.

Через три дня...

Утро спрятало заплаканные глаза под вуаль безразличия. Кричала и плакала, и ломалась. Камелии превратила в капусту и нашенковала безжалостно. И знала, что на земле худшая из всех – ложь о непорочном зачатии. Да простит тебе бог людей эту правду.

Что ж. Значит как все.

Глаза открылись через три года летаргии. Оказалось, что нет романтики в сексе, нет подвига в победе на войне, нет, не было, не может быть радости в смехе клоунов, отрывающих от сердца камелии и бросающих их людям.

Остался на губах ветра один вопрос: «*Зачем что-то ме-*

нять, если все счастливы?»

Нидан писала длинные sms-ки, хотя знала, что жилы разорваны, головы отрублены гильотинами, вены исполосованы тупой бритвой – чтобы честнее, чтобы оживить камелии ценой собственных мук. А я смотрела, и не верила, что это всё. Грубая реальность не должна была всё сломать. Она не сломала меня. Вернее, сломала, но ненадолго. Разве это срок: 3 года в масштабах 3-х дней, когда он был рядом, и любил. Я не верю, мне не важны его чувства – главное, чтобы рядом был, а вены я залатаю...

Ты написала мне это после обеда.

Скверные пирожки у тебя вышли,

Северные надбавки – завтрашний фетиш,

А твои печали – ведь не происки Кришны,

Ты просто действительно в счастье веришь.

Пятьдесят копеек в трясущихся пальцах,

Ели решка – я сделаю шаг

С восьмого этажа, и не смей обижаться –

Возьми лучшие волю и водку в кулак.

Я сама хочу этого.

Я сделаю так.

Твоя Госпожа.

Князь

Спао оторвала этикетку от новогодней короны – серебристой диадемы с тремя большими алмазами в центре. Ни-

дан покачала головой. Все знали, что не нравятся ей металлы вроде серебра – «полукровки». Серебро – символ печали, ни к чему, не время и не место для слёз алмазов, но разве можно было это объяснить своенравной спесивой девице, какой являлась её сестра?

Жанин пропадала где-то в городе с новым возлюбленным, вернее, любовником, потому что ветреная богиня не позволяла своему сердечку надолго зависнуть на тему чувств. Она просто брала утюг в критический момент, и разглаживала все складки и погрешности в области душевных переживаний. Жанин знала, что когда-нибудь придёт время, и у Спао тоже появятся условные рефлексy самосохранения, которые, словно антивирусы, будут оберегать её нежную душу от чьей-либо злой воли. Жанин тоже прошла через это, она уже знала всё, а Спао это только предстояло.

Боже, я не могу на тебя смотреть! Сколько можно лить по нему слёзы? И чем дальше, тем глубже твоё горе и неверие. Розовые лепестки обожгли твои пальцы. Это не его розы. Ты не в состоянии уже поверить, что он способен на что-то светлое. Живёшь с дьяволом за пазухой, а потом плачешься от собственного бессилия. Безумно глупо было отдавать душу за то, чтобы узнать, что такое секс.

Если бы всё можно было бы исправить, ты ушла бы в монастырь, или лесбийский чат?

Нидан пела песенку про судьбу и её детей – Страсть, Потерю, Агрессию, Отчаяние. Да уж, после Рока эти порожде-

ния Тьмы наиболее опасны... Но вспомни, не ты ли с 12 лет уносилаcь вслед за Луной через открытую форточку в поисках грани возможностей Тьмы, или, может, это я медитировала над чёрными свечами и неживым вороном, желая постигнуть, кто же скрывается под маской Князя? Ты хотела этого, стремилась к полному самосожжению. Неужели думала, что языки пламени не подвергнут тебя мучениям, подобно остальным, вступившим на путь истины. Истины ли?

Гирлянда мигала, бросала разноцветные взгляды на твои мокрые щеки, на печальную диадему Спао. Нет рядом Князя... Так наивно было вдруг подумать, что всё по-настоящему, как у людей с чувствами и радостями. Что ж, секс ты получила – теперь пожизненно отдавать кредит горькими слезами, зоревыми трелями птах, которые ты будешь слушать одна, словно в наркотической ломке, страдая по близости.

Спао выбросила в форточку корону.

Остальные сестры, словно бродячие собаки, как нищенки, бросились вниз, искать под окнами, чтобы дотронуться хоть капелькой, хоть клеточкой к настоящему теплу.

Но внизу, словно мрачные, верные рыцари, стояли мальчишки, готовясь взрывать новогодние петарды. Каковы шансы, что они не заметят сияющую драгоценность? Тебе стало интересно. Взглянула на вероятностные линии – твоя ладонь была чиста как никогда... мир замер в это мгновение. Остановились люди, машины, стрелки на всех часах в мире. Сейчас ты можешь всё переписать, пока ладонь чистая можно

изменить будущее – зачеркнуть войны, исправить ошибки в диктанте судьбы, который ты ещё не написала, и не услышала.

Но дрогнула рука – значит, будешь и дальше прощать Князя, вдохновленная его нелюбовью. Вряд ли он позволит тебе умереть. Не думаю, что сделает что-то хорошее, а если и сделает, разве ты ему поверишь? После всех немых сцен вандализма над могилами веры!

Неужели все так живут?

– Иные сильнее. Почти все находят в себе мужество не тревожить нас. Сама ведь знаешь, в какие дремучие рощи заводят танцы с нами. – Нинаж обвила руками голову, камелии вплелись в её волосы, дотронулись нежными лепестками до груди, порождая что-то трепетное, тёплое – почти желание, но роднее, чище.

– Кажется, твой Князь выкурил последнюю сигарету, и даже не посмотрел в её очи, даже не попытался познакомиться! А значит, снова приедет за своим законным выкупом – заберет все слёзы, мечты, желание жить.

Спао поправила три красных георгина, которые чудовищно нелепо смотрелись в ванне до верхов наполненной камелиями, поправила русые волосы и надела на голову серебряную диадему – не выбрасывала она её, зря ищите – это были просто блестящие фантики от новогодних конфет.

Вкус очищения

Всюду были разбросаны ёлочные игрушки, мишура, вата, символизирующая снег. Ты отвлекла клочок бумаги с таблеткой внутри и, аккуратно достав из него 23 порцию анальгина, положила её в рот. Пройдёт 19 минут. Если организм будет ещё в сознании, ты достанешь 24-ю...

И не от того, что не т надежды изменить этого человека, или облегчить боль, скрутившую твой живот – от того, что нет, всё-таки нет, как ни пытайся найти, в жизни смысла.

Всюду валялись бутылки от шампанского, водки, где-то среди всеобщего хаоса стоит бокал с серым вермутом. Он нынче необходим, чтобы запить таблетку.

Нашла, сделала три глотка. Организм не среагировал, отверг яд. Главное сейчас не думать о том, что анальгин разжижает кровь. Иначе – сумрак в сознании, рвота перед унитазом, слёзы после достигнутой цели. Нидан вместе с Князем и двумя сёстрами охотилась на тигров на Дальнем Востоке. Новый день нового года не принес лекарств от одиночества и амнезии для несчастного хищника, живущего в уссурийских лесах. Не повезло вам.

Боль вдруг с новой силой набросилась, погрузив в полубморочное блаженство. Она изощренно завязывала узелки, оставляя шрамы от когтей не заживающие...

Князь раскладывал пасьянс, и понятия не имел, от чего ядовитой змеей обвила его чело головная боль...

Князь просто тоже умер в этом измерении – вернее, он был слишком живым в том мире, чтобы жить в этом.

Отчего ты не хочешь его отпустить, ты же говорила, что любишь его, зачем же дарить лучшую участь?

«Здоровая порция эгоизма».

Небесный эгоизм – вещь новая, не изученная – ах, да, я же добавила её в борщ.

Князь посмотрел на небо. Ты замерла, остановилась в оцепенении. Что это значит? Что ему нужно? Станный, парализующий взгляд, пристальный, думающий, добр... – брр-брр-брр! У Князя не может быть чувств. Не придумывай только. Он что-то сказал Небу, но я не услышала. Как ты думаешь, что?

– Думаю, он сказал «Я вернусь».

Нет! Зачем?

Да! За что?

Нидан прислала sms-ку *«Марганцовка в холодильнике».*

Они никогда не оставят тебя в покое. Слезы душили в головукружении. Он посмел приказать Небу, и оно выполнило. Он обнял за плечи Зарю, и она растаяла, и пролилась слезами чистых камелий – самых бессмысленных цветов на земле. Камелии будут цвести ещё месяц, а потом опять по капелькам жизнь оставит их засохшие трупики. И самое замечательное в них то, что самоисточник восстановления отсутствует – поле не умеет цвести, если им не управляют богини. Согласись, Нелия, что это логично, ведь генератор – не само небо, а его солнце. Пожалуй, где-нибудь в космосе солнце имеет смысл, как точка, или звездочка, и никому не

важна его голубая обертка.

С портрета Спао сползла мишура, ты хотела поправить, но задела рукой Вифлеемскую звезду – игрушка упала, разбилась, окропив твои пальцы кровью. Ты не любила алое, захотела смыть, открыла холодильник, и увидела, что там ничего нет, кроме марганцовки.

Княжеские палаты безмолвствовали своей гордой роскошью, страсти были слишком низменны и не достойны, поэтому во дворце им не место.

Вдруг явственно представилось, что Нинаж возится с рассадой, ты почему-то была уверена, что в данный момент она занимается именно этим, и не подозревая, что все эти будущие цветки обречены на гибель от холода, ведь январь – месяц у нас не такой тёплый, как в субтропиках Тихого океана, где сейчас охотились за тиграми и экзотическими ростками милые.

Всё поплыло, завертелось перед глазами. Анальгин был материальнее камелий. В смертельных, крепких объятьях боли ты была жалкой игрушкой, слабой, не способной дотянуться до ставшей невообразимо далёкой марганцовки. Но, кроме тебя, это сделать некому. Это никто не сделает за тебя. Князю, богиням, всем людям на этом уровне одиночества всё равно. И они тысячу раз правы в этом своём безмолвии. Если у человека нет сил жить, по законам естественного отбора он должен уступить – это апрр...брр..брр...

Воздух стремительно заканчивался. Другие цвета вступа-

ли в свои права, но неслучайно в утренний борщ я добавляла специи.

Прости, Нелия, но уничтожить живое не возможно. Ты можешь умереть, только если перестанешь существовать. Но мне нужно Небо, поэтому я буду держать твою руку, когда ты откроешь холодильник, буду слушать вместе с тобой свист вылетающей пробки и вдумываться во вкус очищения.

Серый вермут

26-27 декабря 2004

К столу ты подошла уже с ничего не видящими глазами. Серость завоевала этот мир в неравном бою в 17.46, 17-47. Что-то новое, неизведанное таилось в сером вине, звало и томило загадкой – оказалось, что это не кровь Христа, а банальна мутная цунамщина – один из загонов, которыми щедро снабжает мир поле из камелий. Было бы по меньшей мере странно, если бы роса, затаившаяся на зорьке в лепестках нежного цветка, не нашла коммерческого применения – вот и стали её купорить в бутылки и рассылать по свету под красивым названием «Вермут». Открыла крышку, сделала три глотка. Всё равно тайна в сущности ничего не стоила – дешевка в красивой упаковке. А ты чуть было не проспорила за неё душу. Сотни раз говорила мама и сестры, что нет смысла спорить о тех вещах, в которых ты не уверена – что ж, в этот раз им удалось предотвратить...

Жёлтые листки бумаги. Всегда жёлтые, даже когда серость

правит миром. Нидан говорила про это, но ты не запомнила что. Князь спал. Золотоволосая всё ещё не соблазнила его на летаргию, но смотреть сны заставила. Могло ли бояться Небо, что Князь заснёт навеки? Могло ли не бояться этого? Ты оторвала кусочек мысли, и приклеила его к поверхности листа солнечного цвета. Мысль оглянулась быстро по сторонам, загордилась своей молодостью и его красотой, и превратилась в серого журавля, ведь нынче серость в своих правах, и мысль бессильна перед законами повелительницы. Журавль взмахнул маленькими крылышками. По этому движению ты поняла, что в ближайших его планах серые дали Интернета. Ах, глупенький, он не знает, что можно сесть. Попав однажды, нет шансов выбраться – отсереешь. Это как сказки об излечении от алкоголизма. Подумала и опять поднесла к губам бокал. Ещё 5 глотков, через прозрачное стекло бокала увидела, как несётся с небес Нинаж. Будет ли ругать, или поможет разделаться с бутылкой? – Зовёт в дали муторные, к птицам непознанным. Детский сад, конечно, там, в этих даях, всё давно известно, и птицы непознанные просто фамилию такую имеют, не более. Но нужно же что-то делать с серостью?! Нужно не делать? Ещё раз опустила взгляд на скулы Князя, до боли родные и ненавистные – к чёрту бокалы, швырнула о стену, выпила остатки цунамщины, которую глупые производители окрестили вермутом, и понеслась вслед за Нинаж в дали неизвестные, к птицам непознанным...

Спао разводила костёр на берегу живописного озера. Ведь в компьютерной игре не страшна победа серости, да хоть Зюганова на выборах 2007 года!

– Ос, проговорила Нидан, – небо больно нынче. Камелии грустят по поводу, но мы не можем производить вермут.

– Мироззренческие штучки. Отправь её на стажировку к Золотоволосой.

– Небо бредит. Ты не боишься вселенского помешательства, ведь оно может породить ядовитые цветы.

– Я не боюсь, Нидан. Это её жизнь, и только она может знать, где грани, где принципы, где цели. Ужели ты думаешь, что недостойную могли нам напророчить в сёстры?

– Спао, а вдруг это не она? Обман? Она могла нас убедить силой мысли, могла не убедить...

– Много вопросов, крошка. Смотри, костёр желаний проголодался. Ох, какой жадный!

И действительно, костёр желаний, словно ребенок, стремительно идущий на поправку, требовал всё новой и новой еды. Ему всё время было мало. Он разрастался, стремительно багровел, и рвался в бой с серостью.

Богини изнывали от любопытства, что же происходит сейчас с Князем? Чувствует ли он багровое тепло костра желаний? Что-то внутри каждой из них продолжало твердить, что в жизни так не бывает. Только атомы, объективные истины и законы имеют права – возможно, это так в мире, завоеванном серостью. Но Золотоволосая приказала им думать, что

жизнь прекрасна, что в ней случаются чудеса и исполняются заветные желания. Всё внутри них сопротивлялось этой абсурдной мысли, но послушаться приказа – значит выдавить ещё одну каплю крови из груди их матери и отдать её серости. Это было непозволительной роскошью даже для богинь.

Тем временем река и небо перебесились, протрезвели. Им даже стыдно не было за те побои, которые они оставили на теле планеты, попавшейся под горячую руку. Зато сколько покупателей теперь потянется к Вермуту. И, кто знает, может быть, оживятся от серости камелии, востребованные сотнями рук, сердец, заиграют новыми красками. Может, мир встряхнётся, очарованный ужасом холеры, которая в субтропики, зазовёт в свои смертельные объятия те, кто давно грезит о смерти, потому что не знает, не может от рождения знать о существовании камелий. Это порок! Это плохо так глумиться над слабыми, милыми. Хотя они слабы только в этом измерении. В жизни земной у них яхты, города, слуги. Они могут всё купить за деньги, всё, кроме камелий, о которых читали в сказках, за которыми прибыли в Тихий океан, чтобы навечно стать в нём тотально не свободными – умереть.

Спао обняла тебя за плечи. Нынче голос её показался нежным, хотя в мире реальном и не было вовсе этого голоса – Оспа была нема:

– А если бы твой Князь оказался вчера здесь?

– Солнце не может утонуть – я его люблю... А их я не лю-

била.

Кажется, один рыбак, со вчерашнего дня ставший добровольцем, видел, как вскочили в колесницу 4 странные девушки, взмахнули разноцветными шелковыми шарфами, и растворились в воздухе.

Князь включил телевизор, да так и просидел ошарашенный случившимся. Зато не было в мире больше серости – он изменился навсегда.